

RU

Крестьянские фракции представительных органов Приморья (1920-1922 гг.): политическое сознание дальневосточного крестьянства в годы Гражданской войны

Попов Ф. А.

Аннотация. Цель исследования - реконструировать деятельность крестьянских фракций в представительных органах Приморья в 1920-1922 гг. В статье рассматривается история крестьянских фракций, образовавшихся во Временном Народном Собрании Дальнего Востока (1920) и в Приамурском Народном Собрании (1921-1922). Научная новизна исследования заключается в анализе политической позиции, парламентской культуры и идеологических предпочтений крестьян-депутатов. В результате раскрываются некоторые особенности политического сознания дальневосточного крестьянства в период Гражданской войны.

EN

Peasant Fractions in Representative Bodies of the Primorye Territory (1920-1922): Political Consciousness of the Far Eastern Peasants during the Civil War Period

Popov F. A.

Abstract. The paper aims to describe peasant fractions' activity in representative bodies of the Primorye Territory in 1920-1922. The article examines peasant fractions' history in the Provisional National Assembly of the Far East (1920) and Priamursky National Assembly (1921-1922). Scientific originality of the study involves analysing peasant deputies' political attitudes, parliamentary culture and ideological preferences. As a result, the author reveals specificity of the Far Eastern peasants' political consciousness during the Civil War period.

Введение

Актуальность исследования обусловлена сравнительной малоизвестностью парламентской истории Приморья в период Гражданской войны. История российского парламентаризма чаще всего понимается как история «центральных», общероссийских представительных органов, региональные же парламенты, в частности дальневосточные, остаются на периферии внимания. Изучение крестьянских фракций Народных Собраний Приморья в 1920-1922 гг. поможет сделать выводы о парламентской культуре и политическом сознании приморских крестьян (формально представлявших подавляющее большинство населения Дальнего Востока) в годы революционных преобразований, о борьбе партий за симпатии крестьянского населения.

Для достижения указанной цели в ходе исследования ставятся следующие задачи: во-первых, дать характеристику общему состоянию «крестьянского вопроса» на Дальнем Востоке во время Гражданской войны, выявить его специфику; во-вторых, проанализировать деятельность крестьянской фракции во Временном Народном Собрании Дальнего Востока / Приморском Областном Народном Собрании в период нахождения у власти в Приморье социалистов; в-третьих, проанализировать деятельность крестьянской фракции в Приамурском Народном Собрании в период нахождения у власти антибольшевистского правительства С. Д. Меркулова. Методология исследования основана на принципе историзма, при анализе идеологических установок крестьянских фракций используется инструментарий «истории идей».

Теоретическая база исследования включает в себя осмысление материалов приморской прессы 1920-1922 гг., на страницах которой в виде стенограмм, информационных сообщений, полемических статей и т.д. фиксировались многочисленные события политической жизни региона. Проблематика политической самоорганизации крестьян Дальнего Востока в период Гражданской войны, в особенности внутри региональных представительных органов, является малоизученной. Небольшевистским крестьянским союзам Сибири и Дальнего Востока как альтернативе советовластью посвящена статья Э. М. Шагина [91]. Функционирование дальневосточных земств в 1917-1922 гг., в т.ч. их взаимодействие с крестьянами, анализируется в диссертации Е. В. Черной [89]. Политический аспект крестьянского самосознания подвергся рассмотрению в статье С. М. Стасюкевич [83]. Впервые в контексте феномена приморского парламентаризма крестьянские фракции 1920-1922 гг. затронуты в статьях В. Л. Землянского [39; 42].

Практическая значимость исследования заключается в возможности расширить исследовательское поле российского крестьяноведения за счёт обращения к политическим практикам крестьян Дальнего Востока – территории, сравнительно поздно вошедшей в состав России.

Специфика крестьянского вопроса на Дальнем Востоке и в Забайкалье

Гражданская война в России носила характер грандиозной трансформации для всех социальных групп российского населения, и в первую очередь для крестьянства как наиболее многочисленной. Своеобразие того или иного региона накладывало отпечаток на участие крестьян – жителей этого региона в военно-политическом противостоянии. Пореволуционный Дальний Восток, включая те его территории, которые традиционно относятся к Восточной Сибири (Забайкалье и Прибайкалье), не стал исключением.

Характерные черты политического сознания дальневосточного крестьянства проявились в ходе деятельности представительных органов (парламентов) Приморья на заключительной стадии Гражданской войны в 1920-1922 гг. Изучение истории крестьянских фракций этих региональных парламентов поможет сделать выводы относительно идеологии, ценностей и политического поведения крестьян Дальнего Востока.

К особенностям участия дальневосточного крестьянства в Гражданской войне следует отнести временные рамки военно-политического конфликта на Дальнем Востоке. В отличие от Юга России, где активная фаза боевых действий закончилась в ноябре 1920 г. с эвакуацией Русской армии из Крыма, на другом конце страны война имела иную динамику: если к ноябрю 1920 г. пала белая забайкальская государственность (синхронно с крымской), то 26 мая 1921 г. в Приморье, с опорой на Дальневосточную армию, образовалось новое антибольшевистское правительство С. Д. Меркулова, ставшее главным противником ДВР и РСФСР в регионе. Гражданская война на Дальнем Востоке продлилась до конца 1922 г. и закончилась вступлением Народно-революционной армии ДВР во Владивосток 25 октября 1922 г.

В комплекс гражданского противостояния в Дальневосточном регионе входят не только боевые действия между регулярными белыми и красными армиями, но и партизанское движение, повстанчество, подпольная деятельность противоборствующих сторон, уголовный бандитизм – во всё это было вовлечено крестьянство Приморья, Приамурья, Забайкалья, Прибайкалья. Внутренние противоречия осложнялись иностранной интервенцией (японская, американская и т.д.) и близостью приграничных государств с их проблематикой фронта (панмонгольский проект, китайское хунхузмство, проблема корейской независимости).

Важно отметить, что понятие «крестьянская политика» означает не только политику правительства по отношению к крестьянству, но и политическую активность самих крестьян. Невысокий образовательный уровень крестьян не препятствовал появлению в их среде политических деятелей. Политическое воображение крестьянства порождало планы переустройства жизни на новых началах, причём не только деревни, но и всего государства.

На Дальнем Востоке за период его освоения с 1860-х гг. сформировались обособленные группы крестьянского населения. Крестьяне, заселявшие регион до 1901 г., наделялись на основании Временных правил от 26 марта 1861 г. семейным наделом в 100 десятин и назывались «старожилами» или «стодесятниками». По мнению исследователя аграрной истории Дальнего Востока Ю. Н. Осипова, это был «особый слой дальневосточного крестьянства... неизвестный ни в европейской, ни в азиатской части России» [60, с. 5]. Крестьяне, переселявшиеся на дальневосточную окраину с 1901 г., согласно «Временным правилам для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» от 22 июня 1900 г., наделялись уже 15 десятинами земли на душу мужского пола. Этот слой крестьянства, получивший название «новосёл», послужил питательной средой для красного партизанского движения в 1918-1922 гг.

Из семьи приамурских старожилов происходили глава Временного Приамурского правительства (ВПП) С. Д. Меркулов и его брат, активный член этого правительства, Н. Д. Меркулов. Работа С. Д. Меркулова чиновником в Санкт-Петербурге и Владивостоке и интеграция Н. Д. Меркулова в купеческое сословие демонстрируют предел карьерных возможностей для зажиточных крестьян-старожилов. Поднявшись по социальной лестнице, братья не утратили полностью своей крестьянской идентичности. Проявленное Меркуловыми в ходе событий «недоворота» мая-июня 1922 г. упорство в удержании власти владивостокская публика приписывала их «мужицкому» происхождению: «Да! – слышалось в толпе и в уличных разговорах, – это тебе не адвокаты и не генералы, а мужики амурские, серьезные!...» [76, с. 440].

Из прочих сословных групп ближе всего к крестьянству стояло казачество. Дальний Восток отличался от Юга России тем, что не знал жёсткого антагонизма между крестьянами и казаками. В силу своей молодости

(Забайкальское казачье войско образовано в 1851 г., Амурское – в 1860 г., Уссурийское – в 1889 г.) дальневосточные казахи войска не успели преобразоваться в устойчивые общности, окруженные ореолом воинской романтики (список конфликтов с участием дальневосточных казахов включал подавление Боксёрского восстания в Китае, неудачную русско-японскую войну и Первую мировую войну, переросшую в революцию). Забайкальцы, амурцы и уссурийцы не выработали «кастового» высокомерия к крестьянам, таким же колонистам, как и они. В формировании этих казачьих войск, помимо потомственных донских, уральских, оренбургских и прочих казахов, участвовали другие слои: так, в забайкальские казахи верстались крестьяне, занимавшиеся рабочим трудом на Нерчинском заводе, и штрафованные солдаты («сынки»). Влияние в формирующиеся казачьи войска подобных контингентов существенно уменьшало дистанцию между казачком и крестьянином.

Повседневный быт уссурийских казахов на протяжении десятилетий отягощался рядом факторов: недобровольным характером переселения забайкальцев на р. Уссури (по воспоминаниям, «кто получил жребий на Уссури были в безумии... и горе» [3, с. 34]), исключительным правом администрации выбирать за казахов (как правило, неудачно) места под их будущие станицы, неблагоприятными природно-климатическими условиями, недостатком рабочего скота, плохим снабжением средствами первой необходимости, бесперспективностью земледельческого труда на луговых полях (постоянно затапливаемых наводнениями или заливаемых обильными дождями) и т.д. [Там же, с. 35-38]. Владея такими же, а то и меньшими, чем у крестьян, земельными наделами, казахи были обязаны нести воинскую службу, что препятствовало их самовосприимчивости в качестве «привилегированного» сословия. Всё это влияло на психоэмоциональное состояние казахов, мешало им испытывать гордость за свой социальный статус. В результате идеи «расказачивания» на Дальнем Востоке исходили из самой казачьей среды. Забайкальцы, амурцы и уссурийцы видели в упразднении своих войск шанс улучшить бытовые условия, избавиться от изнурительных служебных обязанностей и спокойно заняться крестьянским трудом наравне с остальной массой крестьянства. Подобная логика была немислима для казахов Юга России и соседней Сибири.

Нечёткость сословных границ между дальневосточным казачеством и крестьянством способствовала новой трактовке понятия «казачество». В мировоззрении войскового уссурийского атамана И. П. Калмыкова (сын харьковского мещанина и терской казачки) русские националистические мотивы сплетались с «плебейским аристократизмом» казачьей идеи. Прославившийся своей экстраординарностью атаман хотел создать русскую нацию по казачьему образцу, не «расказачить» казахов, а, наоборот, «оказачить» крестьян. В приказе Сводной Уссурийской бригаде от 12 февраля 1920 г. Калмыков не скрывал презрения к местным крестьянам, приписывал им рабское самосознание, не меняющееся от того, в чьём «рабстве» – «помещиков» или «комиссаров» – они находятся («Вы, когда-то рабы и холопы дворян и помещиков, вы, которых когда-то меняли на собаку, теперь, получив свободу, получив права на самоуправление, снова готовы гнуть свою шею под сапогами комиссаров Бронштейнов-Троцких, Тобельсонов-Краснощековых и всех их прислужников...» [49, с. 32-33]). Эти неприглядные свойства крестьянской природы он противопоставлял самобытному свободолобию казахов («Знайте же, что вольные казачьи атаманы ещё исстари бились за свободу народную, будут биться за неё они и теперь» [Там же, с. 33]). Вместе с тем Калмыков выступал не блюстителем сословных границ, а их расширителем: в романтизированное им «Дальневосточное новое казачество» (противопоставляемое «прогнившему старому») он призывал вступать всех, кому одновременно дороги «вольница» и русская государственность [Там же, с. 34].

При реконструкции политических убеждений дальневосточного казачества времён Гражданской войны необходимо учитывать дальнейшие идеологические искания казахов в эмиграции. Находившееся за пределами советского идеологического пресса казачество могло свободно манифестировать свои убеждения. В этой связи примечательно, что в эмигрантских колониях дальневосточных казахов в Китае и Маньчжоу-Го в 1920-1940-е гг. совершенно не пользовалась спросом идеология казачьего национализма («казакийство»), снискавшая популярность среди эмигрантов-донцов и кубанцев в Европе. Вместе с тем необходимо отметить симпатии казачьей эмиграции к российскому фашизму с его «общерусской» программой и ориентированностью на «рабоче-крестьянские» массы при подготовке «национальной революции». Организации дальневосточного казачества, в т.ч. крупнейшая из них – Союз казахов на Дальнем Востоке, – связывали своё будущее с Россией, считали казахов частью русского народа, его «образцовой» частью [87]. На данном примере в очередной раз проявился крестьянский генезис дальневосточного казачества, которое ощущало себя скорее уникальной формой самоорганизации русского крестьянства (отсюда популярный термин «казак-крестьянин», применявшийся в сходных обстоятельствах и за пределами Дальнего Востока, например, в отношении семиреченского казака генерала Л. Г. Корнилова), нежели обособленной общностью с «кастовым» презрением к чужакам.

Примечателен тот факт, что записанный в уссурийское казачество лишь перед Первой мировой войной Калмыков был большим патриотом этого войска, чем многие из уссурийцев-старожилов, не видевших никакой выгоды от пребывания в казачьем сословии. На Съезде делегатов Уссурийского казачьего войска, проходившем 21-24 февраля 1920 г. на фоне демонтажа белой государственности, казахи выступали с казакофобскими, самоуничижительными заявлениями. Возникновение казачества больше не объяснялось в категориях романтизма и героики. Данную «касту», как подчёркивает резолюция съезда, создали «монарх и его опричники для защиты своей власти» [26, с. 4]. Признавалось, что казачество ошибочно «считали героями русской Империи» и, более того, заставляли его «избивать мирных крестьян и рабочих». Таким образом, наложенное на казахов «позорное клеймо – убийц-душителей народа» полностью оправдано. Делегаты съезда постановили не только упразднить казачество, но также выразили готовность «смыть свое позорное пятно». Программа просоветских уссурийцев подразумевала самоликвидацию казачества, его растворение в «трудовом народе» [Там же].

Крестьянский и связанный с ним (но не идентичный) аграрный вопросы затрагивались в программах «постколчаковских» антибольшевистских правительств 1920-1922 гг. Первым их важность осознал главный начальник Приамурского округа генерал С. Н. Розанов, который в момент агонии белой государственности на Дальнем Востоке решился продемонстрировать «сотрудничество с общественностью». Крестьянская проблематика затрагивалась им в приказе № 4 от 23 января 1920 г., дозволявшем крестьянам, при условии их возвращения из партизанских отрядов к «мирному труду», сохранить оружие для самообороны и промысловых занятий (при этом пулемёты и трёхлинейные винтовки всё же необходимо было сдать для нужд армии, вместо них крестьянам должны были выдать берданки с патронами). Приказом № 5 восстанавливались волостные земства (крестьянские по составу). Таким образом, помимо объявленной амнистии, Розанов соглашался на милитаризацию деревни и крестьянское самоуправление [33, с. 2]. Аграрный вопрос – в данном случае вопрос о собственности на пустующие земельные участки в городской черте и окрестностях Владивостока – должен был быть решён путём бесплатного предоставления владивостокцам земельных участков «под огороды и посевы» (приказ № 1 от 17 января 1920 г.) [88, с. 359]. Подобной мерой Розанов пытался перенаправить протестную политическую энергию горожан в хозяйственное русло, до некоторой степени «окрестьянить» их. Запоздалые приказы главного начальника Приамурского округа не имели и не могли иметь практической реализации – белая власть доживала последние дни, а сам Розанов 31 января скрылся на борту японского броненосца и вскоре отплыл в Японию.

Атаман Г. М. Семёнов, которому Колчак передал диктаторские полномочия «на Востоке России», не просто обращался к крестьянскому вопросу, но и, чутко улавливая социально-политические сдвиги, предпринял попытку превратить белое Забайкалье в оплот русской крестьянской утопии. С этой целью 25 марта 1920 г. в Чите открылось отделение Крестьянского союза. В средствах массовой информации утверждалось, что Крестьянский союз был создан на подпольном Всероссийском крестьянском съезде, состоявшемся в октябре 1919 г. в Нижнем Новгороде. По всей видимости, имела место мистификация со стороны атамана, желавшего придать легитимность новой организации, ориентированной на крестьянство. Во всяком случае, версия читинского режима отражала наметившееся разочарование крестьянства в большевизме, его переход к протесту и повстанчеству. Во главе союза стоял поэт и драматург А. Котомкин-Савинский. Программа союза включала стандартное требование созыва Учредительного собрания, принятие мер по наделению мелкоземельных крестьян землёй, введение социальных гарантий (охрана труда, выплата пенсии по старости, всеобщее образование). Семёнову присваивалось звание «русского крестьянского диктатора» [24, с. 53]. По данным историка В. И. Василевского, несмотря на громкие декларации, Крестьянский союз «не оставил в общественной жизни сколько-нибудь заметного следа» [Там же]. Современники отмечали нетипичность политического раскола внутри забайкальского крестьянства в период семёновской диктатуры: «В кривом зеркале жизни все отражается по-другому: против Семенова как раз восстает богатое крестьянство, а бедное – за атамана... Это до некоторой степени понятно в условиях “атаманщины” – от поборов страдали преимущественно зажиточные слои населения» [52, с. 157].

ВПП, образованное в результате переворота 26 мая 1921 г., в числе своих первых шагов осуществило реформу крестьянского самоуправления, введя в действие «Временное Положение о личных правах и управлении сельских обывателей». Этим нормативно-правовым актом регулировался статус сельского схода и избираемого им сельского старосты, которому делегировались административно-полицейские функции [88, с. 412]. Фактически ВПП сделало ставку на возврат к традиционным формам крестьянского самоуправления. Закон, устанавливающий основы землеустройства, был принят спустя почти год после прихода ВПП к власти – 29 апреля 1922 г. Правительством, без одобрения Народного Собрания, были утверждены «Временные правила о порядке определения земельных наделов на территории, управляемой Приамурским Правительством» [27, с. 1-4]. В пояснительной записке к проекту Временных правил новый закон характеризовался как «преследующий столько же землеустроительные, сколько и колонизационные цели с общими основаниями земельной политики, направленной к развитию личной инициативы» [28, с. 4]. Наряду с реализацией «столипинских» потенций (поддержка «личной инициативы» в противовес общине), деятели ВПП должны были учитывать специфику Приморья – не до конца освоенного края, нуждающегося в колонизации. Это придавало аграрно-крестьянской политике ВПП многовекторность.

Из-за поздней колонизации Дальнего Востока «крестьянский вопрос» в этом регионе приобрел особое звучание. Конфликты по линии имущественного (между «стодесятниками» и «новосёлами») и сословного (между крестьянами и казаками) расслоения не могли спровоцировать серьёзного крестьянского движения, т.к. по сравнению с Европейской Россией и Сибирью не являлись значительными. В свете Гражданской войны актуальным был конфликт между «властью» и «сельским миром», вытекающий из стремления правительства (большевистских, небольшевистских и антибольшевистских) добиться контроля над «деревней». Режим А. В. Колчака не смог выстроить диалога с «деревней», что в немалой степени обеспечило его падение. Преемники Колчака – атаман Г. М. Семёнов в 1920 г. (в Забайкалье) и ВПП в 1921-1922 гг. (в Приморье) – уже иначе выстраивали свою политику в «крестьянском вопросе». Однако первым дальневосточным правительством, при котором в политической жизни резко возрос крестьянский фактор, было владивостокское Временное Правительство Дальнего Востока – Приморской Областной Земской Управы (ВПЦВ – ПОЗУ, далее – ВППОЗУ) во главе с эсером А. С. Медведевым. Именно оно решилось на созыв представительного органа (де-факто областного, но с претензией на лидерство в масштабах всего Дальнего Востока), в котором впервые образуется крестьянская фракция.

Крестьянская фракция во Временном Народном Собрании Дальнего Востока (1920 г.)

Появление во Временном Народном Собрании Дальнего Востока (ВНСДВ) крестьянской фракции было связано с особенностями избирательной системы в этот представительный орган «демократического» Приморья. «Положение о выборах во Временное Народное Собрание Дальнего Востока» обеспечивала выходцам из сельской местности значительный перевес в приморском «предпарламенте». Пункт 2 Положения, касающийся сельского населения, устанавливал избрание одного депутата от каждой административной единицы – волости, станичного округа и т.д. Выборы производились не напрямую местными жителями, а опосредованно, волостными земскими собраниями и эквивалентными им органами самоуправления. Однако по техническим причинам на селе могли быть проведены и прямые выборы. Порядок их организации разъяснялся в статье 8 Положения, за основу было взято постановление Всероссийского Временного правительства «О волостном земском управлении» от 21 мая 1917 г [64, с. 1-2]. Квазикуриальная избирательная система обеспечивала численное преобладание в ВНСДВ депутатов от сельского населения. Не все из них были крестьянами в сословном смысле, в парламент также попали казаки и сельская интеллигенция.

На 16 июля 1920 г. из 135 депутатов парламента 75 принадлежали к крестьянской фракции [62, с. 2]. Президиум фракции состоял из 5 лиц: председателя Г. И. Жадькова, двух товарищей председателя – П. Е. Прасола (от Спасской волости Спасского уезда) и И. С. Гулева (от Петровской волости Ольгинского уезда), секретаря Д. Т. Дзюбы (от Монастырищенской волости Никольск-Уссурийского уезда) и товарища секретаря Гагальчего (от Голенковской волости Никольск-Уссурийского уезда) [30, с. 2].

Вопрос о степени зависимости крестьян-депутатов от большевиков представляется дискуссионным. Найденное А. А. Азаренковым письмо коммуниста Г. К. Румянцева, возглавлявшего некоторое время крестьянскую фракцию, в Дальбюро ЦК РКП(б) от 21 января 1921 г. свидетельствует о полном контроле большевиков над крестьянами. Во фракции оказалось некоторое количество коммунистов, скрывших свою партийную принадлежность ради возможности работать внутри «крестьянского большинства» и направлять его политику в нужное РКП(б) русло (в коммунистической фракции ВНСДВ насчитывалось 26 депутатов). Под давлением владивостокской группы Дальбюро РКП(б) в «крестьянской фракции» была введена централизованная дисциплина при голосовании. Все необходимые коммунистам решения, по словам Румянцева, проводились через крестьянскую фракцию, благодаря чему фракция РКП(б) могла «оставаться в тени» [1, с. 69-71]. Исходя из изложенного в письме, можно сделать вывод о том, что наличие подконтрольной крестьянской фракции позволяло большевикам имитировать свою вторичность перед волей подавляющего большинства населения Приморской области, притом что эта воля полностью соответствовала интересам Дальбюро.

На наш взгляд, соображения Румянцева больше характеризуют крестьянскую фракцию на момент написания письма, т.е. на начало 1921 г., когда коммунисты и лояльные им элементы окончательно одержали вверх в борьбе за контроль над крестьянским парламентским «болотом», а статус самого ВНСДВ, в свою очередь, понизился до Приморского Областного Народного Собрания. Однако руководящие позиции во фракции достались коммунистам не без борьбы. К открытию приморского парламента перспективы крестьянской фракции были неясны, и в конкуренцию за влияние над крестьянами включились, помимо коммунистов, и другие политические силы – эсеры и правые. О трудностях в диалоге партии с крестьянством откровенно писал коммунист П. В. Уткин (убитый 19 июня 1920 г. на станции Иман офицером Д. Корневым) в официальном органе РКП(б) «Красное знамя»: «К стыду нашей партии необходимо указать, что для крестьянства Д<альнего> В<остока> наша партия ничего не сделала. Коммунистическая литература – большая редкость в деревне. Там так темно, что во многих местах крестьянство стоит за “большевиков”, но оно... против “коммунистов”» [86, с. 1]. Уткин приводит примеры наказов крестьянским делегатам на Съезд трудящихся Приморской области в Никольске-Уссурийском (апрель 1920 г.), демонстрирующие, что крестьяне, при наличии в их среде несомненных симпатий к большевикам, не спешили заявлять о своей поддержке РКП(б). В наказе Струговского общества (село Струговка Покровской волости Никольск-Уссурийского уезда) говорилось: «Проведение в нашем селении коммуны невозможно, потому что новое преобразование, незнакомое нам дело проведения коммунизма может в корне подорвать сельское хозяйство. Жизненные условия крестьянства не позволяют делать таковое преобразование. Мы, крестьяне, против насильственного проведения коммуны, дабы не увидеть себя подвластными рабочим погибающего капитала (так в тексте. – Ф. П.). Не принимаем никакого нового преобразования в коммунизме, пока не увидим наших деятелей на деле и не соединимся с Россией, не желая дельбы с Россией и не зная строя ее» [Там же].

Стереотип о «политической неграмотности» крестьян, делавшей их объектом манипуляций со стороны коммунистов, во многом был оправдан. Вместе с тем примечательно, что избранные в парламент крестьяне не примкнули к существовавшим фракциям, а образовали свою собственную. Наблюдавшие за политической ситуацией в Приморье публицисты связывали с крестьянскими депутатами надежды на образование «средних сил», альтернативных как левому радикализму большевиков, так и «реставраторским» устремлениям правых. Вхождение крестьянской фракции в состав Социалистического блока не смущало прессу, которая прогнозировала неминуемое столкновение крестьян-парламентариев с большевиками в будущем. В номере от 2 июля 1920 г. «Голос Родины» предсказывал: «Как только наше народное собрание приступит к практической работе, так немедленно вскроются противоречия между подлинными крестьянскими интересами и идеологией крайних социалистов, с которыми сейчас крестьяне идут вместе» [47, с. 2]. Сгруппировавшиеся вокруг газеты «Вечер» прогрессивные демократы (левые кадеты, народные социалисты и областники)

призывали крестьян ориентироваться на пример «трудовой группы» Государственной Думы 1906-1917 гг. В частности, напоминаясь, что членом этой группы был депутат от Приморской области А. И. Шило [Там же]. Интерес к «крестфракции» проявляли и эсеры, усматривавшие возможность создания на её базе «непартийного центра». Эсеровская газета «Воля» писала о крестьянах, что «их роль впереди и может даже легко случиться, что эта роль будет далеко не второстепенной и что в известный момент они могут занять место едва ли особенно работоспособной коалиции (имеется в виду коалиция в поддержку ВППОЗУ, куда входил широкий спектр политических сил Приморья, от коммунистов до “цензовых” правых; на коалиционных началах формировался кабинет министров при ВППОЗУ – Совет управляющих ведомствами (СУВ). – Ф. П.)» [82, с. 2]. Прогнозы меньшевистских публицистов имели под собой основание и отражали внутреннюю борьбу внутри аморфной, политически неопределёвшейся «крестфракции». Учитывая очевидное расхождение интересов дальневосточного крестьянства (особенно его старожильческой части) и коммунистической программы, трудно представить, что избранные в ВНСДВ крестьяне послушно выполняли предписания владивостокского отдела РКП(б), полностью отказавшись от своей «крестьянской политики».

Первым проявлением активности «крестьянского большинства» стала его реакция на созыв 10 июля в Гродеково 9-го Войскового круга уссурийских казаков. Толчком к созыву круга послужил приезд из Харбина полковника Ю. А. Савицкого, председателя уссурийского правительства, с целью создания на территории войска «плацдарма» для антибольшевистского движения. Расположение Гродеково в «нейтральной зоне», где по русско-японскому соглашению 29 апреля 1920 г. не должно было находиться контингентов армии ВППОЗУ, благоприятствовало плану Савицкого. Фактически речь шла о восстановлении войска в том виде, в каком оно существовало при Калмыкове, и ревизии решений съезда 21-24 февраля 1920 г., постановившего упразднить казачество [80, с. 217]. Крестьянство, даже не будучи «разагитированным» коммунистами, видело в восстановлении уссурийского войска угрозу, т.к. связывало с ним возобновление казачьих претензий на т.н. «отвод Духовского» – обширную территорию (в основном занятую лесом), являвшуюся предметом спора между казаками и государством с 1894 г. (всего уссурийцам было отведено 9 142 359,6 десятин) [79].

В резолюции, принятой 9 июля, перед началом работ Круга, крестьянская фракция призвала правительство пресечь начинание «сподвижника Калмыкова» Савицкого [73, с. 2]. Выпущенное в тот же день обращение фракции к казакам содержало призыв не поддаваться на «провокацию» и признать ВППОЗУ как правительство, поддержанное населением, в т.ч. и казачьим. Участники Круга приглашались депутатами в Народное Собрание, где они могли бы ознакомиться с общей работой всех социальных групп региона по объединению Дальнего Востока и прекращению Гражданской войны. Крестьянские депутаты избрали дифференцированный подход к уссурийскому казачеству: «бандиты, сподвижники Калмыкова» противопоставлялись в обращении казакам – «сынам единой Родины» [58, с. 2]. Кроме того, фракция отправила в Гродеково своих делегатов (Иноходова, Сушкова и Плюхина) для ознакомления с ситуацией на месте [80, с. 220].

Визит крестьянской делегации в Гродеково создавал условия для диалога между крестьянской фракцией и антибольшевистски настроенными уссурийцами. Ю. А. Савицкий в своём выступлении наставлял собравшихся казачьих выборных идти «рука об руку с родными нам братьями крестьянами» [50, с. 2]. Вернувшись из Гродеково, делегация 14 июля представила фракции доклад (зачитанный Плюхиным). Согласно докладу, на открытии Круга, 11 июля, делегаты огласили резолюцию и обращение крестьянской фракции, после чего к ним обратился Савицкий. Он парировал адресованные ему крестьянами обвинения в «незаконном» созыве Круга, указывая, что Круг может быть созван только им как войсковым старшиной, в то время как ВППОЗУ не наделено такими полномочиями. Также Савицкий не согласился с наклеенным на него ярлыком «калмыковца», напомнив о своих разногласиях с экс-атаманом. Глава уссурийского правительства взял дружественный тон в общении с крестьянами из Народного Собрания и, в частности, заявил: «Я сам, а со мной, я уверен, и казаки рады призыву крестьянской фракции к объединению, прекращению гражданской войны и устройству на демократических началах народоправия и правопорядка» [8, с. 1]. В ходе прений делегатам задавались вопросы, в т.ч. соблюдается ли в ВНСДВ свобода слова, много ли там большевиков и т.д. По оценке докладчиков, речи участников Круга сводились к тому, что казачество признаёт ВППОЗУ и составляет с крестьянством «одну нераздельную трудовую русскую семью...» [Там же]. Практическим итогом переговоров стала отправка во Владивосток казака П. М. Золотарёва, который должен был пригласить в Гродеково казаков, прибывших во Владивосток на созванный ВППОЗУ круг (альтернативный гродековскому). «Гродековцы» просили депутата Плюхина передать крестьянской фракции своё пожелание поставить в парламенте вопрос об отправке на Круг парламентской делегации в составе крестьян, коммунистов и цензовиков. Также Плюхину был вручён проект войскового воззвания [Там же].

Выслушав доклад, крестьянская фракция приняла резолюцию и обращение. Первая из них предназначалась для внутреннего пользования и должна была обозначить отношение фракции к гродековскому Кругу. Заверения Савицкого о признании казачеством ВППОЗУ не удовлетворили депутатов, которые избрали курс на конфронтацию с «гродековцами». Чтобы доказать «незаконность» Круга, «крестфракция» остановилась на его недостаточной представительности: вместо 87 делегатов от всех станичных округов в нём участвовало лишь 44 делегата. Это дало повод крестьянской фракции заявить в первом пункте резолюции, что Круг «выявил волю не большинства честного в своей работе казачества, а желание офицерства и зажиточных казаков, которые имеют возможность сдавать в аренду корейцам и китайцам по 100 десятин земли и эксплуатировать безграничные лесные богатства, как Духовской надел» [72, с. 2]. Единственным легитимным представительным органом, выражающим волю всех слоёв населения, в т.ч. Уссурийского казачьего войска (за исключением Донского станичного округа, который не смог послать делегатов в парламент из-за «террора бочкаревых»),

объявлялось ВНСДВ. Педалируя факт наличия в своих рядах казаков, «крестфракция» от их имени заявила о ненормальности «сепаратного управления казачества» [Там же]. В адресованном казачеству обращении, крестьянская фракция призывала не доверять демократической риторике «вожаков в погонах» и посылать своих представителей в Народное Собрание [61, с. 2]. В диалоге с консервативной частью уссурийских казаков фракция продемонстрировала свою непримиримость к любым проявлениям оппозиционности Владивостокскому правительству и недоверие к изменившейся (в сторону большей демократичности) риторике деятелей Белого движения. Вместе с тем не все крестьянские депутаты были настроены бескомпромиссно, в пользу чего говорит доклад Плюхина, выдержанный в умеренных тонах и контрастирующий с итоговыми документами фракции по Кругу в Гродеково.

В конце июля 1920 г. было выпущено «Воззвание крестьянской фракции», ставшее манифестом данной парламентской группировки. В Воззвании фактически отсутствовал пафос «классовой борьбы». По своей идеологической направленности это был некоммунистический программный документ, в котором господствовала патриотическая и демократическая риторика. Идеалом провозглашалась «Единая Свободная Россия», во имя которой должна быть прекращена Гражданская война, а всем классам дальневосточного (и российского) общества надлежит сплотиться. Большевистский режим напрямую не одобрялся в Воззвании, но фактически признавался его составителями в качестве общенационального: «Гордо реющее знамя белокаменной Москвы есть единое знамя Единой Свободной России» [31, с. 3]. Приводился пример генерала Брусилова и «других истинных сынов Родины», пошедших служить большевикам. Фракция приветствовала начавшиеся переговоры по объединению областей Дальнего Востока. Особого упоминания удостоился срыв бойкота, объявленного японскими торговцами в ответ на финансовую реформу ВППОЗУ с целью «уничтожить русский рубль, заменив его иностранной валютой» [Там же]. Воззвание отмечало якобы имевшие место совместные действия рабочих и торгово-промышленников против японцев. Тем не менее «крестфракция» не могла проигнорировать возмущение, спровоцированное финансовой реформой среди жителей Приморья, поэтому русские противники принудительной девальвации и насаждения печатаемого на станке кредитного билета ВППОЗУ подверглись осуждению: «Тяжело русскому сердцу слышать, как даже в такое ответственное время некоторые русские граждане с недоверием относятся к проводимой денежной реформе, предавая тем самым себя и нас всех в хищные лапы иностранных милитаристов» [Там же]. Воззвание подстёгивало «граждан-крестьян» к политической активности, контролю за посланными во Владивосток выборными: «Обсудите все ваши заветные мечты и нужды на сельских, волостных и иных общих собраниях, изложите подробнее ваши желания, хорошенько подумайте над своими выборными в Народное Собрание, требуйте от нас отчет и шлите ваши указы, на основании которых будут издаваться наши общие законы» [Там же]. Идеи крестьянской фракции оказались созвучны зарождавшейся в среде русской эмиграции в Харбине идеологии «сменовеховства». В конкретной политической ситуации оно было направлено на поддержку правительства А. С. Медведева в его противостоянии с русским антибольшевистским движением (в первую очередь с «атамановщиной», олицетворяемой в персонах Г. М. Семёнова и И. П. Калмыкова) и Японией. Поддержка же ВППОЗУ «крестьянским большинством» означала его поддержку самим парламентом.

Избранные в ВНСДВ крестьяне вынуждены были проживать во Владивостоке, где для них отвели платное общежитие. Члены крестьянской фракции изъявляли недовольство стеснёнными жилищными условиями и возбуждали в парламенте вопрос о предоставлении им за счёт казны бесплатного общежития с прислугой, обстановкой и освещением [35, с. 2]. Депутат-цензовик С. П. Руднев вспоминал, что в общежитии при ВНСДВ «целыми днями агитировали коммунисты и социалисты» [76, с. 309]. Нежелание парламента идти навстречу крестьянам и выделять им приемлемое жильё, таким образом, способствовало попаданию членов фракции под партийное, прежде всего коммунистическое, влияние. В начале августа 1920 г. крестьяне составили смету расходов на содержание депутатского общежития и представили её президиуму. После отказа президиума рассматривать проект «крестфракция» направила смету в финансово-бюджетную комиссию ВНСДВ для включения её в общую смету по содержанию парламента, однако и здесь потерпела неудачу [36, с. 2]. Крестьяне страдали от безденежья – им приходилось жить в отрыве от своего хозяйства на 900 рублей в месяц (во Владивостоке на 1 июля 1920 г. пятипудовый мешок муки 1 сорта стоил 660 руб., 1 фунт мяса – 8 руб., 1 фунт сливочного масла – 17 руб. [77, с. 3]). В случае невыдачи прибавок к жалованью они грозились разъехаться по домам [81, с. 2]. Отвечая на требования крестьян увеличить ассигнования на содержание депутатского корпуса, депутат-коммунист Абрамов на заседании ВНСДВ 4 августа сделал акцент на зажиточности приморского крестьянства: «Здесь не голытьбенная Тульская или Орловская губерния и те крестьяне, которые приехали во Владивосток в качестве депутатов, вероятно, могли бы не только сами прокормиться, но еще и содержать на свой счет депутата Абрамова» [11, с. 2].

Тяжелые бытовые условия меняли отношение крестьян к деятельности Народного Собрания, их раздражали медлительность принятия законов и рутина парламентских прений. «Что мы скажем нашим избирателям, – говорят крестьяне, – когда вернемся домой? Нас послали добиться практических улучшений и скорейшего переустройства, а у нас здесь только одни разговоры в комиссиях и в общих заседаниях» [Там же]. Давали о себе знать отсутствие у крестьян «парламентской культуры» и, как следствие, их нацеленность на зримый результат, который они хотели достичь без «утомительных» словопрений. Для поднятия результативности крестьяне требовали увеличить количество парламентских заседаний [Там же].

Крестьянская фракция, в силу своего «сословного» комплектования (но «надклассовой» идеологии), претендовала на выражение воли большинства населения Приморья. Взаимосвязь между депутатами фракции и их избирателями отражалась в регулярных парламентских запросах. В сравнении с другими группами

Народного Собрания крестьянские депутаты отличались повышенной активностью. Их волновало не только объединение Дальнего Востока, но и актуальные вопросы местного (уездного, волостного) масштаба. На заседании 21 июля крестьянская фракция внесла запрос о мерах борьбы с хунхузами. Запрос был передан сразу в две комиссии: по вопросам и запросам и по военно-морским делам [38, с. 3]. 24 июля крестьянский депутат В. П. Абоимов от лица своей фракции задал ведомству внутренних дел вопрос о борьбе с хунхузничеством. Формулировка вопроса включала два пункта: «1) Известно ли управляющему ведомством внутренних дел о появлении в Ольгинском и Никольск-Уссурийском уездах значительных шаек хунхузов? 2) Если известно, то какие меры приняты ведомством внутренних дел к парализованию деятельности этих шаек?» [10, с. 2]. Присутствовавший на заседании товарищ управляющего внутренними делами С. М. Третьякова огласил доклад по вопросу борьбы с китайским бандитизмом, после чего следовали прения. Заключение парламентских комиссий было зачитано 31 июля, тогда же Народное Собрание проголосовало за формулу перехода. Правительству рекомендовалось принять ряд мер к обеспечению безопасности, в т.ч. усилить милицейские части в районах, наиболее подверженных нападениям хунхузов. Один из пунктов формулы перехода обращал внимание на главное препятствие на пути борьбы с китайской организованной преступностью – ограничительные условия русско-японского соглашения 29 апреля 1920 г. (в соответствии с которым русские части выводились из 30-верстной полосы) [38, с. 3].

Падёж домашнего скота от заразных болезней подрывал благосостояние крестьянских хозяйств, в связи с чем крестьянские депутаты сочли своим долгом откликнуться на эту проблему. Запрос об эпизоотии был внесён фракцией на заседании 14 августа. В запросе говорилось о падеже молочного скота от сибирской язвы в разных районах Приморской области, запрашивалось о мерах, принимаемых ВППОЗУ. Фракцию интересовали создание волостных ветеринарных пунктов (особенно в наиболее пострадавшей Лермонтовской волости Хабаровского уезда) и наличие в военно-морском ведомстве ветеринарных медикаментов и хирургических инструментов, которые могли быть использованы в борьбе с эпидемией [12, с. 2]. В конце августа 1920 г. крестьянская фракция поддержала ходатайства Иманского и Хабаровского уездных земств, пострадавших от действий красных партизан и «калмыковцев», в вопросе об оказании им финансовой поддержки [14, с. 2].

Ожидания приморского крестьянства от участия своих выборных в работе владивостокского парламента отражены в наказах, присланных в крестьянскую фракцию с мест. Большинство из них касалось продовольственного вопроса. Крестьяне, в зависимости от нужд той или иной волости, требовали установления твёрдых цен на продукты (Сысоевская волость), открытия кооперативов (Жариковская волость), земских лавок (Милоградская волость), Союза крестьянских хлеборобов (Ивановская волость) или экстренной отправки им муки и зерна ввиду угрозы голода (посёлок Бикин). Многие наказы объединены общим мотивом передать продовольственный вопрос в ведение общественных, особенно кооперативных, организаций. Наказ от Романовской волости Ольгинского уезда гласил: «Необходимо инициативу частного капитала довести до возможного минимума, стараясь развивать кооперативное дело» [54, с. 2]. Идеальный баланс между частным и государственным намечался в наказе от Раздольнинской волости Никольск-Уссурийского уезда: «Принять все меры к экономическому возрождению края, допуская частную собственность, но под контролем государства» [Там же]. В устремлениях приморского крестьянства, разоряемого в 1918-1920 гг. всеми сторонами Гражданской войны, можно различить запрос на будущую новую экономическую политику, провозглашённую советским правительством на X съезде РКП(б) в марте 1921 г.

В некоторых случаях крестьянская фракция брала на себя функции посредника между крестьянским населением на местах и ВППОЗУ. Жалобы крестьян на морально разложившийся гарнизон ВППОЗУ в Анутино побудили фракцию отправить туда делегатов, по возвращении которых была принята резолюция. Причина неутешительного морального состояния гарнизона усматривалась в событиях 4-5 апреля 1920 г. (японское нападение на войска ВППОЗУ). Указывалось на недоверие военнослужащих к назначенному из Владивостока командному составу, ненормальность расквартирования солдат по крестьянским домам, недостаточность снабжения войск командованием. Последний фактор осложнил отношения гарнизона с анучинскими крестьянами, которые рассматривались как объект продовольственных реквизиций. Крестьянская фракция предлагала передать вопрос в военно-морскую комиссию ВНСДВ, провести ремонт зданий для размещения войск, наладить коммуникации для подвоза продовольствия, выдать обмундирование [45, с. 3-4].

Прокоммунистическая часть фракции проводила через неё резолюции, напрямую направленные против правых. Ярким примером служит принятая 22 июля 1920 г. резолюция о «черной печати». В ней выражался протест против существования в Приморье независимой правой прессы, а именно газет «Слово», «Владиво-Ниппо» и «Блоха». Все эти газеты, находящиеся, по мнению авторов резолюции, «на одном уровне с порнографической и погромной литературой», якобы оскорбляли чувства крестьянства. Население призывалось к бойкоту правой прессы. Резолюция не сказала на интересе читающей публики к вышеуказанным газетам, и единственным её результатом стал вызов редактора «Слова» в министерство внутренних дел [5, с. 2].

Специфика политических настроений «крестьянского большинства» в парламенте отличала их от коммунистов – крестьяне выступали за сохранение частной собственности при развитии кооперации, были чужды интернационализму, выступали за сотрудничество с буржуазией. Тем не менее до определённого момента лояльность крестьянской фракции большевикам, Советской России и просоветскому «буферу» казалась бесспорной. Негласный крестьянско-большевистский союз оказался под угрозой распада после отправки в Читы и Верхнеудинск приморской делегации для ведения переговоров об объединении Дальнего Востока. События, произошедшие с официальными представителями ВППОЗУ, поколебали пробольшевистские симпатии в среде «крестьянской».

Всего в делегацию входило 7 членов: меньшевик А. И. Кабцан (председатель), коммунисты И. Г. Кушнарёв и Б. А. Похвалинский (секретарь), крестьяне В. П. Абоимов и М. И. Плюхин, цензовики С. П. Руднев и И. И. Еремеев [78, с. 257]. Выбор наиболее активных и вместе с тем наиболее независимых крестьян-депутатов, Абоимова и Плюхина, заметно усилил делегацию Приморья. Некоторые биографические сведения о них содер­жатся в мемуарах С. П. Руднева. Абоимов происходил из села Бутырки Корсунского уезда Симбирской губернии, благодаря помещице баронессе В. И. фон Штемпель (урождённая Половцева) получил домашнее образование, затем учился в ремесленном училище в Симбирске. С окончанием училища Абоимов переселился на Дальний Восток, где работал на копях в должности штейгера. Плюхин родился в селе Махнёво Верхотурского уезда Пермской губернии, был близок к эсерам и участвовал в революционных волнениях на Урале. Переселившись в Приморье, обзавёлся хозяйством, но не оставил своей общественной, кооперативной и революционной деятельности [76, с. 313]. Составленные Рудневым общие «портреты» двух крестьянских депутатов позволяют говорить о довольно высокой политической сознательности, поднимающей их над «крестьянским большинством» до уровня «сельской интеллигенции».

Делегация выехала из Владивостока 29 июля. Проехав по КВЖД через китайскую территорию (с остановкой в Харбине), она прибыла в Читу, где приняла участие в переговорах с атаманом Семёновым. 5 августа делегация выехала в Верхнеудинск, но была задержана на станции Гонгота. От представителей Приморья потребовали подписать декларацию, в которой Верхнеудинское правительство (ДВР) признаётся центральным, а режим Семёнова исключается из переговорного процесса [24, с. 118]. На делегатов оказывалось давление, их свобода передвижения была ограничена. В знак протеста Кабцан сложил с себя полномочия председателя и передал их коммунисту Кушнарёву (при секретаре Абоимове). Крестьяне не хотели подписывать декларацию, поэтому, по словам Руднева, коммунистические члены делегации «начали таскать с собой в Верхнеудинские вагоны крестьян, а те, вернувшись, запирались таинственно в своем купэ» [76, с. 325]. В конечном итоге крестьянские делегаты подписали Гонготскую декларацию, цензовики и Кабцан от подписания уклонились. Четыре подписи (включая нового председателя и его секретаря) из семи обеспечили номинальное большинство, после чего делегация была пропущена в Верхнеудинск. Плюхин в интервью харбинской газете «Русский голос» пытался оправдаться за поставленную подпись и давал следующее объяснение своему поступку: «Не в подписи смысл, а в успехе дела. Мы бы еще 3 таких подписи подписали, только бы повидать, как живут в Верхнеудинске. Мы так рассуждали: если мать бьется в лихорадке, а нас у границы к ней не пропускают, то хорошие сыновья сделают все возможное, чтобы услышать ее голос» [56, с. 2]. Кроме того, Плюхин казуистически трактовал слова декларации о созыве конференции по объединению края «при правительстве ДВР» не как признание Верхнеудинского правительства, а лишь как зависимость от него.

На обратном пути из ДВР делегация остановилась 24 августа на станции Хадабулак, где вновь вступила в переговоры с Семёновым. Некоммунистическая часть приморцев достигла компромисса с атаманом и заключила соглашение об объединении Забайкалья с Приморьем под верховной властью ВППОЗУ в единый «демократический буфер», при сохранении за Семёновым статуса выборного атамана дальневосточных казачьих войск. Также Хадабулакское соглашение подразумевало пополнение ВНСДВ за счёт депутатов-забайкальцев – с этой целью в Забайкалье должны были быть проведены выборы на основе приморского законодательства [24, с. 118-119].

Крестьянские члены делегации ВППОЗУ, шокированные приёмом на станции Гонгота, внесли немалый вклад в лоббирование приморско-забайкальского союза. Интервью М. И. Плюхина «Русскому голосу» (редактор – кадет С. В. Востротин), опубликованное 2 сентября 1920 г., нанесло ДВР серьёзный репутационный ущерб. Принадлежность Плюхина к крестьянской фракции, усиленная «типично-крестьянским стилем выражений» [56, с. 2], подрывала представление о якобы широкой народной поддержке Верхнеудинского правительства. Депутат описывал ситуацию в ДВР как диктатуру Дальбюро РКП(б), состав которого «прислан с запада, как в старину командировался в Финляндию всемогущий генерал-губернатор» [Там же]. По Плюхину, население ДВР страдало от отсутствия продовольствия, одежды и жилья, от политических репрессий и запрета свободной торговли. Стереотип о разгуле «иностранцев» при большевистской власти подтверждался впечатлениями Плюхина: «Впрочем, есть в Верхнеудинске люди, кому живется хорошо. Это я про мадьяр, которых там 800 штук<ов> и которые являются главной опорой власти. У них привилегированная столовая, где они потягивают и пиво, и кофе. Им жаловаться не приходится» [Там же]. Интересна оценка Плюхиным Семёнова. Соглашаясь с тем, что атаман «натворил массу зла» [Там же], крестьянин отрицал наличие у него корыстных мотивов. Вражду атаманских властей с населением Плюхин считал пройденным этапом, т.к. Семёнов извлёк выводы из допущенных ошибок: «Была, просто, драка между русскими, где страдал и правый и виноватый. Семенов, как неученый доктор, много нашего брата изрезал, прежде чем научился операции делать» [Там же]. Депутат отдавал должное желанию Семёнова прекратить Гражданскую войну и предостерегал от нападков на атамана.

С возвращением делегации во Владивосток её члены должны были отчитаться перед Народным Собранием. Как отмечал Руднев в своих воспоминаниях, заседание ВНСДВ оттягивалось из-за стремления коммунистов заранее «обработать» крестьянскую фракцию, чья лояльность Верхнеудинску могла пошатнуться после приезда крестьянских депутатов: «...и Абоимов, и Плюхин многое видели, многое поняли и собирались кое-что порассказать» [76, с. 345]. Более того, их возвращение во Владивосток совпало с новой волной дискуссий о политической платформе крестьянской фракции. В период пребывания приморской делегации в Верхнеудинске, 19 августа, с трибуны Народного Собрания была произнесена речь крестьянского депутата М. П. Бернадского (избран от Полетнинской волости Хабаровского уезда). Несмотря на заострённость

выступления против «правого» крыла ВНСДВ и привычные фразы о необходимости «объединения с Россией, хотя бы и советской», Бернадский сделал акцент на осознании крестьянами своего ключевого положения: «Наша партия – плуг и лопата. И поверьте, что эта партия очень сильна: это, может быть, самая сильная в России партия» [13, с. 2]. В общественном пространстве была артикулирована заявка на «крестьянскую политику», независимую от «левых» и «правых» влияний.

На заседании 1 сентября с речами выступили оба крестьянских члена приморской делегации. Абоимов настаивал на целесообразности подписания Хадабулакского соглашения и подчёркивал, что Семёнов подчинился ВППОЗУ и, таким образом, устранён как сторона, нисколько не мешая дальнейшим переговорам Приморья с ДВР и Амурской областью. Плюхин не ограничился оправдательной риторикой и попытался подвести под поведение крестьян в Гонготе и Хадабулаке идеологическую базу. В его речи крестьяне представлялись независимой (в т.ч. от коммунистов) силой, претендующей на главенство в России: «Мы уже не те крестьяне, которые при царе боролись лишь за свою полоску земли. Теперь на нас лежит ответственность за все государство. Мы хозяева России. И как истинные хозяева не можем потакать тому или иному из ее сыновей. Мы пошли с левыми, когда это было нужно, мы пошли с правыми, когда сочли это необходимым. Мы старались избежать насильственных мер и кровопролития и предпочли подойти тихонько, чтобы вырвать больной зуб» [9, с. 3]. Выступление Плюхина вызвало большой резонанс и послужило свидетельством возросших амбиций крестьянской фракции. Зримым результатом такой «крестьянской политики» стала итоговая резолюция 7 сентября, признававшая ничтожность не только Хадабулакского, но и Гонготского соглашения [15 с. 2-3]. На этом же заседании депутатом Бернадским было сделано крайне неприятное для коммунистов заявление о том, что «часть крестьянства воспринимает большевистскую программу и поддерживает ее, но коммунистическое крестьянство категорически не признает» [Там же]. Таким образом, крестьянство Дальнего Востока, при всей своей региональной специфике (в т.ч. сравнительной зажиточности), разделяло те же ценности, что и крестьянство европейской России и Украины. Разница была в способе выражения этих ценностей: если крестьянские лидеры центральных и малороссийских губерний прибегали к организации повстанческих армий (Махно на Украине, Антонов в Тамбовской губернии), то Приморье дало прецедент «крестьянского парламентаризма». Его смысл заключался не просто в допуске крестьянских депутатов до «буржуазного» парламента, но в формировании внутри парламента крестьянского большинства.

Прения в ВНСДВ внушили надежду антибольшевистской оппозиции. Уже 27 августа «Голос Родины» писал о неминуемом столкновении крестьян и Социалистического блока из-за наличия у крестьян «буржуазного инстинкта» [48, с. 2]. Редактор газеты «Вечер» М. Н. Павловский связывал прозвучавшие в парламенте речи с политическим пробуждением крестьянской фракции, которая наконец-то начала вести самостоятельную политику. Речь Плюхина казалась ему шагом вперёд по сравнению с речью Бернадского: «Крестьянство эмансипируется от чужих влияний, оно вырастает в самостоятельную силу, не обывательскую, в которой партии заменены “плугом и сохой”, а ответственную и политическую. <...> Мы верим, что... в сознательном политическом творчестве крестьянства залог подлинной русской демократии, залог будущего демократической России» [51, с. 1]. В воображении интеллигенции демарш отдельных членов крестьянской фракции накладывался на известия о крестьянских восстаниях, охвативших Советскую Россию (включая смежную с Дальним Востоком Сибирь).

Тем не менее прогнозируемого обретения крестьянской фракцией политической субъектности не произошло. Сохранению её де-факто пробольшевистского (хоть и понимаемого в категориях «любви к Родине») курса способствовала смена председателя фракции: вместо ушедшего в отпуск Г. И. Жадькова был избран коммунист Г. К. Румянцев, занявший затем пост председателя на постоянной основе [16, с. 2]. Следует отметить, что в ходе голосования Румянцев опередил своего некоммунистического конкурента, Андриевского, всего на один голос. Это дало повод газете «Вечер» утверждать, что «фактически крестьянская фракция состоит из двух почти равных по численности групп, политически весьма расходящихся» [37, с. 2]. Встав во главе фракции, Румянцев сумел быстро пресечь опасные для большевиков тенденции среди крестьянских депутатов. М. И. Плюхин подвергся давлению из-за своей антикоммунистической позиции. Съезд делегатов Тетюхинской волости, которую представлял в ВНСДВ Плюхин, 26 сентября выразил недовольство поведением депутата и направил запрос о его деятельности в крестьянскую фракцию [17, с. 2]. Активное противодействие коммунистической тактике использования крестьянского большинства сделало Плюхина опасным врагом приморских большевиков, вплоть до применения против него политического насилия. По сведениям С. П. Руднева (которые он относит к «слухам»), усадьба Плюхина сгорела в результате поджога, что привело к разорению депутата вместе с его семьёй. Вскоре Плюхин исчез и перестал проявлять себя в публичном пространстве. Известно, что в начале сентября 1920 г. он обращался в президиум ВНСДВ с заявлением о сложении депутатских полномочий и выходе из крестьянской фракции [32, с. 3].

Крестьянская фракция поддержала ВППОЗУ в ходе т.н. «министерского кризиса». 13 октября 1920 г. из СУВ вышли управляющие-цензовики В. А. Виноградов (ведомство иностранных дел), И. И. Циммерман (ведомство финансов), Б. Ю. Бринер (ведомство торговли и промышленности) и В. Я. Исакович (государственный контролёр) в знак протеста против признания ВППОЗУ дипломатической миссии ДВР И. Л. Юрина (Дзелватовского) в Китае (что на фоне закрытия китайскими властями «царско-колчаковского» посольства в Пекине выглядело не только потаканием большевизму, но и национальным унижением) [65; 76, с. 352-353]. Г. К. Румянцев с парламентской трибуны заявил, что не считает уход цензовиков из СУВ «министерским кризисом», т.к. в кабинет должны входить только те управляющие, которые разделяют «демократическую программу». Также Румянцев пообещал в случае необходимости дать своего представителя в СУВ [18, с. 2]. Вместе с тем внутри фракции не переставали тлеть противоречия. Депутат-крестьянин Сулимовский, выступая

на экстренном заседании ВНСДВ 15 октября, вновь напомнил о потенциале своей фракции и репрезентровал её в роли арбитра: «Крестьянство не боится ни большевиков, ни цензовиков, оно по численности своей слишком значительно, чтобы бояться тех или иных группировок, занимая срединное положение, оно является той спайкой между элементами, той стеной, которая связывает эти крайние крыла и которая, свалившись в случае вызова на... одно из крыльев, раздавит его» [19, с. 2].

Акты, закрепившие вхождение Приморья в состав ДВР, были приняты при решающем участии крестьянской фракции. Один из политических комментаторов писал, что «Народное Собрание раскололось на два, ярко выраженных крыла: социалистическо-крестьянское большинство и смешанное, пестрое по составу и не организованное меньшинство» [53, с. 2]. 10-11 декабря был принят парламентом и утверждён ВППОЗУ закон «О распространении власти Правительства Дальневосточной Республики на территории Приморской области» [25, с. 1]. На этом фоне было оглашено обращение крестьянской фракции к населению, подписанное новым председателем фракции – К. Д. Деревковым-Петкусом. В нём объявлялось о благополучном исходе переговоров по объединению Дальнего Востока, в связи с чем очередной задачей крестьянства должна была стать подготовка к выборам в Дальневосточное Учредительное Собрание [59, с. 2]. Последовавшее 12 декабря постановление ВППОЗУ № 487 оформляло сложение правительством А. С. Медведева своих полномочий. Приморье сохраняло автономию, функции «правительства» – в сугубо областном масштабе – переходили к СУВ, который трансформировался в новый орган – Приморское Областное Управление. Примечательно, что в состав нового приморского правительства, возглавляемого коммунистом В. Г. Антоновым, впервые вошли члены крестьянской фракции – К. С. Шаньгин (земледелие и государственные имущества), В. Ф. Галгальчий (торговля и промышленность) и К. Д. Деревков-Петкус (государственный контроль) [85, с. 2]. ВНСДВ отказывалось от стремлений представлять весь Дальний Восток и преобразовывалось в Приморское Областное Народное Собрание (ПОНС) с сохранением прежнего депутатского корпуса.

Внутренние противоречия привели к выходу из крестьянской фракции противников прокоммунистического курса и образованию новой, Трудовой крестьянской фракции (беспартийных трудовиков). На конец февраля 1921 г. из 91 депутата ПОНС 36 были членами крестьянской фракции, 4 – беспартийными трудовиками [23, с. 2]. Коммунисты, ощущая угрозу со стороны неподконтрольных им крестьянских политиков, прибегли к приёму, отработанному в ходе кампании против М. И. Плюхина – заручились поддержкой сельских сходов в той волости, от которой избирался неугодный им депутат. 21 февраля в комиссии личного состава ПОНС рассматривалось заявление гласных Многоудобенской волости об отозвании члена трудовой крестьянской фракции, депутата Шепелева. Требования гласных не были удовлетворены, но, как отмечалось в прессе, сам факт заявления говорил о том, что «“откуда-то” издан приказ изъять непокорных крестьян, имеющих “сметь свое суждение иметь”» [34, с. 2].

Организационные проблемы, стоявшие перед уменьшившейся почти в 4 раза (со 135 членов в июле 1920 г. до 36 в феврале 1921 г.) крестьянской фракцией, остались прежними – в частности, крестьяне, не видя толка от парламентских заседаний, стремились вернуться домой, к своим хозяйствам. В начале марта группа крестьянских депутатов выдвинула ультиматум председателю фракции Деревкову-Петкусу – возбудить перед ПОНС вопрос о перерыве сессии, в противном случае крестьяне грозились разехать по домам самовольно. Нервное поведение крестьян-депутатов диктовалось желанием вернуться в деревню до начала посевного сезона [43, с. 2]. Собранное по этому поводу экстренное заседание крестьянской фракции, состоявшееся 1 марта с участием других фракций Социалистического блока, выдалось бурным. Коммунисты убеждали крестьян не разезжаться, мотивируя это активизацией правых (созыв Несоциалистического съезда во второй половине марта 1921 г.), требовавшей присутствия в ПОНС лояльного ДВР большинства. В результате крестьяне не только отказались от своих планов, но и постановили срочно вызвать во Владивосток отлучившихся ранее в сельскую местность депутатов [44, с. 3]. Данный эпизод показывает высокую уязвимость крестьянской фракции перед манипуляциями коммунистов.

Существование крестьянской фракции в парламентском органе независимого Приморья – ВНСДВ – является беспрецедентным опытом для российского парламентаризма как по соотношению крестьян-депутатов ко всему депутатскому корпусу, так и по тому политическому значению, которое имело «крестьянское большинство». Фракция быстро попала под коммунистическое влияние, однако в ней всё же нашлись депутаты (М. И. Плюхин, В. П. Абоимов и т.д.), сопротивлявшиеся курсу на поддержку большевистских инициатив. Поездка крестьян-депутатов на переговоры об объединении Дальнего Востока едва не обернулась забайкальско-приморским союзом (Хадабулакское соглашение 24 августа 1920 г.), т.к. ДВР и её представители произвели на них лишь негативные впечатления. Однако навыки партийной работы позволили коммунистам не допустить «бунта» крестьянской фракции и провести с её помощью все свои инициативы по интеграции Приморья в просоветский «буфер» ДВР.

Крестьянские фракции в Приамурском Народном Собрании (1921-1922 гг.)

В результате переворота 26 мая 1921 г. южное Приморье вышло из состава ДВР, к власти пришло антибольшевистское Временное Приамурское правительство (ВПП). Новый режим имел иной социальный состав: на первое место в приморской политике выдвинулись представители торгово-промышленного класса, домовладельцы, военные («каппелевцы» и «семёновцы»), подвергавшиеся притеснениям при правительствах Медведева и Антонова. Возрождённая «белая» государственность не видела смысла заигрывать с членами

крестьянской фракции, которые в недавнем прошлом негативно высказывались о «реакционерах» и сотрудничали (хоть и пассивно) с коммунистами. Крестьянские депутаты ПОНС расценивались меркуловским режимом как левый, «подрывной» элемент. Указом ВПП от 30 мая ПОНС распускалось, вместе с ним прекращала своё существование крестьянская фракция. «Совещание демократических партий и организаций Владивостока», куда вошли и представители крестьян, пыталось протестовать. Их требование реорганизации верховной власти на основе упразднённого парламента подразумевало создание Совета Верховной власти из 7 членов (в т.ч. 2 крестьян) [41, с. 147-148]. Однако ВПП отказалось удовлетворять эти требования, после идея противопоставления меркуловскому режиму распущенного ПОНС потеряла актуальность. Те члены крестьянской фракции, которые дорожили депутатским статусом и симпатизировали ДВР, влились в Иманское Народное Собрание, заявившее о своей преемственности от ПОНС [40, с. 36-37]. Левая (эсеры) и центристская оппозиции (Демократический союз) сконцентрировались на предвыборной кампании в новый представительный орган – Приамурское Народное Собрание (ПНС).

В новом парламенте существенно изменилось соотношение сельских и городских депутатов, первые уже не составляли большинства. Политическое представительство приморской деревни было умалено вследствие ряда причин: избирательного законодательства ВПП, отдававшего предпочтение цензовым и несоциалистическим элементам, невозможности провести выборы в сельской местности из-за партизанского террора, нежелания ряда сельских обществ участвовать в работе «меркуловского» Нарсоба. Тем не менее запрос на «крестьянскую политику» по-прежнему сохранился. Не все депутаты распущенного ПОНС решили выехать на территорию ДВР, чтобы принять участие в работах Иманского Народного Собрания; нашлись и те, кто, не будучи доволен приходом к власти несоциалистов, согласился сотрудничать с «реакционным» режимом, хотя бы в роли легальной оппозиции. От Славянского района в ПНС избрался В. П. Абоимов. Первоначально крестьянские депутаты в ПНС группировались вокруг трёх «центров притяжения»: фракции Крестьянского трудового союза (кооператор К. И. Славянский, полковник И. И. Попов), фракции «беспартийных крестьян» (А. А. Болдырев, С. П. Зелененко, Ф. З. Мальцев, П. Л. Назаренко) и фракции Трудовой крестьянской партии (В. П. Абоимов и депутат-кореец) [70, с. 3].

Для регистрации прибывающих во Владивосток депутатов от сельского населения 24 июля было организовано Бюро крестьянских депутатов. Оно же занималась решением «жилищного вопроса», по-прежнему остро стоявшего перед крестьянами. Бюро располагалось в общежитии крестьян-депутатов – на нижнем этаже высшего начального училища на Полтавской улице. Жилищные условия были крайне стесненными: «Комнаты неблагоустроены и напоминают скорее чумную изоляцию, чем общежитие» [71, с. 3]. До 25 июля 1921 г. в Бюро прошли регистрацию: от Славянского района – В. П. Абоимов, К. П. Ким, М. П. Кан, Т. В. Огай, от Суйфунского района – П. Л. Назаренко, Ф. С. Нем, Г. П. Грачев, А. А. Болдырев, М. Н. Ким, П. Н. Цой, К. И. Славянский, И. И. Попов, С. П. Зелененко [Там же]. Наметилась тенденция к объединению крестьян с корейцами (такими же крестьянами по «сословной» классификации).

В крестьянскую фракцию ПНС, сконструированную путём слияния «беспартийных крестьян» и «абоимовской» группы, вошли 13 депутатов, её председателем стал В. П. Абоимов, товарищем председателя – кореец К. П. Ким, секретарём – А. А. Болдырев, товарищем секретаря – Т. В. Огай. Из 13 членов фракции 6 были корейцами. Своей целью фракция ставила пропорциональное представительство сельского и городского населения, соотношение которого в ПНС склонялось в пользу городского. В числе требований, предъявляемых фракцией правительству, значились борьба против «семёновщины и хунхузничества», поиск компромисса с забастовщиками-рабочими и Иманским Народным Собранием, прекращение арестов по политическим основаниям и освобождение политзаключённых, восстановление гражданских свобод (право на стачку, свобода печати, слова и собраний), восстановление органов городского и земского самоуправления, избранных по закону Временного правительства 1917 г., ликвидация институтов волостных старшин и сельских старост, подчинение милиции местным органам самоуправления, прекращение распродажи грузов владивостокского порта [7, с. 2]. Изложенные требования были фактически программой, которую можно охарактеризовать как оппозиционную по отношению к ВПП, но в то же время не пробольшевистскую. В известной мере требования фракции оказались созвучны «центристской» программе Демократического союза. Более того, впервые за историю приморского парламентаризма крестьянские депутаты смогли сформулировать внятные требования, выходящие за рамки общих пожеланий «объединения Дальнего Востока с Россией».

Депутаты-крестьяне из Крестьянского трудового союза (Крестьянской трудовой партии) разделяли более «правые» политические убеждения, что подвигло их на союз с казаками, избранными в Нарсоб. Так образовался Казачье-крестьянский блок (председатель – казак И. М. Абросимов, секретарь – К. И. Славянский), с сохранением внутреннего деления на казачью фракцию и фракцию Крестьянского трудового союза [46, с. 2]. В блок вошло 9 депутатов, в т.ч. 6 казаков-уссурийцев, ожидалось присоединение к блоку крестьян из Спасского и Шкотовского районов. В планы К. И. Славянского и его коллег входило формирование «центра», к которому, помимо Казачье-крестьянского блока, примкнули бы национал-демократы и ряд отдельных депутатов [57, с. 3]. 25 августа на заседании Казачье-крестьянского блока, куда были приглашены депутаты других фракций (в т.ч. национал-демократы А. А. Крапоткин и С. П. Руднев), состоялось обсуждение «делового блока» из парламентского большинства, «на платформе сохранения Народного Собрания, придания ему должного авторитета и расширения его компетенции» [63, с. 2]. К концу 1921 г. фракция Крестьянского трудового союза усилилась за счёт присоединения к ней А. А. Крапоткина и сибирского областника А. В. Сазонова. По оценке генерала В. Г. Болдырева, фракция Славянского выражала интересы Всероссийского крестьянского союза, в руках которого находилось снабжение правительственных армии и флота [6, с. 450]. Обе крестьянские

группировки прибегали к одному тактическому приёму – усилению своих фракций через блокировку с идейно и социально близкими группами: корейцами – в случае крестьянской фракции, казаками – в случае Крестьянского трудового союза.

«Крестьянская политика» в ПНС не исчерпывалась фракциями Абоимова и Славянского. Депутаты крестьянского происхождения встречались и в других парламентских группировках. Так, к фракции «правых» принадлежал депутат Т. К. Бардин, прозванный «халкидонским мудрецом» (из-за происхождения из села Халкидон Черниговской волости Никольск-Уссурийского уезда) [Там же, с. 436].

Деятельность двух крестьянских фракций в ПНС существенно различалась по отношению к правительственному курсу. «Правые крестьяне» из Крестьянского трудового союза декларировали непримиримость к ДВР и поддерживали правительство С. Д. Меркулова. Лидер фракции Славянский на заседании 10 августа заявил, что «верховная власть законно создана путем революции, поэтому должна оставаться до учредительного съезда» [20, с. 2]. При этом правительство, по мнению Славянского, должно «царствовать, но не править», а ответственность лежать на СУВ (кабинете министров). Напротив, Крестьянская фракция Абоимова придерживалась в ПНС резко оппозиционной линии, призывала власть начать переговоры с Иманским Народным Собранием и ДВР. Подобные «примирительные» призывы делали из «левой» крестьянской фракции удобную «мишень» для нападок проправительственной прессы. Формула перехода по вопросу отношения к Дайренской конференции (переговоры между Японией и ДВР без участия ВПП), разработанная «абоимовской» фракцией, была названа в газете «Русский край» «актом государственной измены» [22, с. 2]. Сатирическая газета «Блоха» посвятила «соломенным» (из-за ношения фраков «соломенного» цвета) крестьянам ряд едких фельетонов и стихотворений [2, с. 4; 4, с. 2; 90, с. 3]. Например:

Словоблуд вползает в ухо. –
А соломенных крестьян –
Всю солому, легче пуха
Тянет ветром на Иман [4, с. 2].

Вместе с тем Крестьянская фракция не переходила ту грань, которая отделяет оппозиционность от открытой антиправительственной агитации. Это позволяло им действовать в легальном поле и даже занимать ключевые посты внутри ПНС. На заседании ПНС 16 августа 1921 г. В. П. Абоимов был избран в парламентский президиум товарищем председателя [21, с. 2]. Позиция крестьянских депутатов в хозяйственных вопросах зависела от их опыта, а не от установки на оппозиционность. В ходе обсуждения проекта «Временных правил по управлению учебными заведениями на территории ВПП» крестьянин Г. П. Грачёв, известный своей оппозиционностью, вступил в полемику с депутатом от Демократического союза С. Ф. Знаменским, который критиковал проект за недостаточную коллегиальность. «Коллегиальное управление на практике дало отрицательные результаты, и не повело к улучшению дела народного образования» [55, с. 3] – заявил Грачёв, присоединившись тем самым к правому большинству ПНС.

Конфликт исполнительной и законодательной власти в белом Приморье, достигший апогея в событиях «недоворота» 31 мая – 11 июня 1921 г., положил конец приморскому парламентаризму. Вместе с ПНС прекратили существования его крестьянские фракции. Крестьянские представители принимали участие в работах Приамурского Земского Собора (правительственный указ № 149 предписывал участие всех волостных старшин или их заместителей [88, с. 467]), однако не играли там решающей роли, которая по-прежнему оставалась за интеллигенцией и военными. Модель народного представительства, сформулированная в актах Правителя Приамурского Земского Края генерала М. К. Дитерихса, подразумевала привлечение крестьянства в Приамурскую Земскую Думу, пополнявшуюся по курьяльной системе, куда должны были войти представители сельских сходов и поселковых управлений [Там же, с. 481]. Крестьянская проблематика поднималась на Национальном съезде в Никольске-Уссурийском 15-20 сентября 1922 г. Один из докладчиков, А. А. Крапоткин, в частности, поделился своими впечатлениями от крестьянского съезда в селе Вознесенка, где им был услышан «удивительный лозунг» – «Нам нужна страна свободная, но дайте нам Царя и Советы» [74, с. 2]. Наметился рост внимания к «крестьянскому вопросу» в идеологическом пространстве белого Приморья – так, в августе 1922 г. в «Слове» за подписью профессора Т. В. Локтя (депутата Государственной Думы, монархиста, участника Рейхенгалльского съезда, проживавшего в Белграде) вышла серия статей (очевидно, перепечатки из русской эмигрантской прессы) под заголовками: «Крестьянство и интернационал» [68, с. 1-2], «Земледельцы в России» [66, с. 1-2], «Крестьянство и верхи» [67, с. 1-2], «Сельский союз в России» [69, с. 1-2]. Интерес Дитерихса к приморскому крестьянству проявлялся в созыве им крестьянских съездов и личном присутствии на них. Указ № 25 от 29 августа 1922 г. предписывал созыв Приханкайского крестьянского съезда [29, с. 1], где Правитель 14 сентября выступил с программной речью [75, с. 2]. Аналогичный съезд должен был пройти в Спасском районе 25 сентября, для чего 15 сентября был издан указ Правителя № 40, однако проведению мероприятия помешали военные действия [84, с. 2]. Идеализация «земли», упование на якобы монархическое самосознание крестьянства были характерной чертой неославянофильской идеологии Дитерихса. Нехватка времени и близящаяся оккупация ПЗК Народно-Революционной армией ДВР помешали белым властям заручиться поддержкой крестьянства на «плебисцитарной» основе районных съездов.

На первый взгляд, в белом Приморском государственном образовании «крестьянской политике» был нанесён смертельный удар, выразившийся в резком сокращении удельного веса крестьян-депутатов в ПНС. Вместе с тем следует признать, что отток крестьянских депутатов из Владивостока в «иманский совдеп» был сознательным выбором этих депутатов, отказавшихся от участия в политической жизни белого Приморья.

Дальнейшее развитие событий показывает, что в трениях между парламентом и меркуловским правительством оппозиционно-настроенные крестьяне, будь их количество более значительным, могли бы сыграть определённую роль. Кроме того, не все крестьянские парламентарии выбрали эмиграцию на Иман или возвращение домой, к своим хозяйствам. В. П. Абоимов не оставил политической активности при «реакционном» режиме и стал легальным оппозиционным политиком. Образование в ПНС проправительственной фракции Крестьянского трудового союза во главе с кооператором К. И. Славянским является примером антибольшевистской крестьянской самоорганизации внутри парламента.

Заключение

История крестьянских фракций представительных органов Приморья в 1920-1922 гг. позволяет сделать ряд выводов относительно политического сознания дальневосточного крестьянства в годы Гражданской войны.

Во-первых, сам факт появления в приморских парламентах крестьянских фракций свидетельствует о запросе на «крестьянскую политику». Вчерашние земледельцы участвовали в написании резолюций, выработке формул перехода, переговорах вокруг объединения Дальнего Востока. Депутаты-крестьяне включались в состав парламентских комиссий и делегаций. Наличие крестьянского большинства в приморском Народном Собрании в 1920 г. связывалось некоторыми наблюдателями с надеждой на «третью силу». Этой «третьей силой» должны были стать крестьянские парламентарии после осознания ими своих реальных интересов, не совпадающих с интересами большевиков и правых.

Во-вторых, при размытости политической платформы крестьянских фракций в ВНСДВ и ПНС можно выделить общие, «крестьянские» ценности, активно продвигаемые на уровне фракционных документов. Среди этих ценностей – надклассовость (свои воззвания крестьяне адресовали «всем классам»), демократичность и патриотизм (перетекающий в «сменовеховство»).

В-третьих, идентичность «крестьянина» подверглась эрозии. Далеко не все члены крестьянских фракций занимались обработкой земли и другими видами сельского труда. Среди «крестьянских депутатов» встречались казаки (в Приморье – наиболее близкое к крестьянам сословие), интеллигенты, военные и даже представители иноэтничной группы – корейцы. Желанию не-крестьян выразить «крестьянскую» позицию, а также удивительной терпимости настоящих крестьян к таким «чужакам» благоприятствовало отождествление понятий «народа» и «крестьянства» (которое составляло подавляющую часть «народа» в России). Поэтому «крестьянская политика» в условиях Гражданской войны – это объединяющая, интегральная политика, направленная на защиту интересов большинства русского народа (без разжигания вражды к другим социальным слоям, высокий процент которых, впрочем, тоже составляли выходцы из крестьянской среды).

В-четвёртых, имея большинство в ВНСДВ, крестьянская фракция так и не смогла стать самостоятельным политическим игроком, совокупное поведение её членов характеризуется повышенной уязвимостью перед манипуляциями и пассивностью. Подобное поведение обуславливалось особенностями архаического мышления (пренебрежение к формальностям, которыми полна парламентская жизнь, тяга к абстракциям и т.д.), примитивным пониманием политики, отсутствием навыков работы в государственных учреждениях. Аморфность крестьянской фракции облегчила коммунистам захват контроля над ней.

В-пятых, крестьянство всё же смогло выдвинуть нескольких энергичных лидеров, пытавшихся вместо лоббирования интересов РКП(б) и ДВР вести независимую «крестьянскую политику». В ВНСДВ 1920 г. и в ПОНС 1920-1921 гг. это М. И. Плюхин, В. П. Абоимов, М. П. Бернадский, члены трудовой крестьянской фракции. В ПНС 1921-1922 гг. отсутствовало «крестьянское большинство», однако имелись крестьянские фракции и харизматичные депутаты крестьянского происхождения, в т.ч. «справа» (Т. К. Бардин).

Источники | References

1. Азаренков А. А. «Демократический компромисс»: идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил - участников Гражданской войны в России (январь 1920 - январь 1921 гг.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 152 с.
2. Акакий Буйный. Знаменитые демократы // Блоха. 1921. № 68.
3. Аргудяева Ю. В. Уссурийское казачество: формирование и повседневный быт // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2014. № 6 (178). С. 31-43.
4. Ахов. Тяга // Блоха. 1921. № 66.
5. Б. В плену у большевиков (от нашего владивостокского корреспондента) // Русский голос. 1920. № 39. 15 августа.
6. Болдырев В. Г. Директория - Колчак - Интервенты. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
7. В Крестьянской фракции // Голос Родины. 1921. № 566. 5 августа.
8. В Крестьянской фракции // Красное знамя. 1920. № 124. 16 июля.
9. В Народном Собрании // Вечер. 1920. № 98. 2 сентября.
10. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 245. 25 июля.
11. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 255. 6 августа.
12. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 262. 14 августа.
13. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 267. 21 августа.
14. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 271. 26 августа.

15. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 281. 8 сентября.
16. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 286. 15 сентября.
17. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 298. 1 октября.
18. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 308. 13 октября.
19. В Народном Собрании // Голос Родины. 1920. № 310. 16 октября.
20. В Народном Собрании // Голос Родины. 1921. № 573. 12 августа.
21. В Народном Собрании // Голос Родины. 1921. № 579. 18 августа.
22. В политических кругах. Акт государственной измены (Абоимовский проект) // Русский край. 1921. № 95. 27 сентября.
23. В совете старейшин // Голос Родины. 1920. № 419. 28 февраля.
24. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918-1920 годах: краткие очерки истории. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
25. Вестник Временного Правительства Дальнего Востока - Приморской Земской Управы. 1920. № 60. 18 декабря.
26. Вестник Временного Правительства Приморской Областной Земской Управы. 1921. № 4. 29 февраля.
27. Вестник Временного Приамурского Правительства. 1922. № 26. 2 мая.
28. Вестник Временного Приамурского Правительства. 1922. № 27. 5 мая.
29. Вестник Земского Приамурского Края. 1922. № 3. 9 сентября.
30. Во фракциях Народного Собрания // Голос Родины. 1920. № 232. 9 июля.
31. Воззвание крестьянской фракции // Голос Родины. 1920. № 247. 28 июля.
32. Выход Плехина из Нар<одного> Собрания // Воля. 1920. № 112. 5 сентября.
33. Голос Родины. 1920. № 107. 27 января.
34. Гонение на инакомыслящих // Голос Родины. 1920. № 417. 26 февраля.
35. Домогательства крестьян // Голос Родины. 1920. № 249. 30 июля.
36. Домогательства крестьян // Голос Родины. 1920. № 256. 7 августа.
37. Е-ский К. Кризис группировок Народного Собрания // Вечер. 1920. № 107. 14 сентября.
38. Заседание Народного Собрания // Воля. 1920. № 86. 1 августа.
39. Землянский В. Л. Депутатский корпус Приамурского Народного Собрания // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей: в 2-х ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2018. С. 207-213.
40. Землянский В. Л. Иманское Народное Собрание - региональный представительный орган власти Дальневосточной республики // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2 (34). С. 36-39.
41. Землянский В. Л. Респект Приморского областного Народного собрания правительством С. Д. Меркулова в 1921 г. // Таврические чтения - 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. СПб.: Элек-Сис, 2017. С. 144-149.
42. Землянский В. Л. Социалистический блок во Временном Народном Собрании Дальнего Востока // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2020. С. 19-22.
43. К перерыву сессии // Голос Родины. 1920. № 420. 1 марта.
44. К перерыву сессии Народного Собрания // Голос Родины. 1920. № 421. 2 марта.
45. К событиям в Анучино (Резолюция крестьянской фракции) // Воля. 1920. № 88. 6 августа.
46. Казачье-крестьянский блок // Голос Родины. 1921. № 588. 27 августа.
47. Крестьяне // Голос Родины. 1920. № 227. 3 июня.
48. Крестьянство на перепутье // Голос Родины. 1920. № 272. 27 августа.
49. Кручинин А. С. Китайские мытарства Атамана Калмыкова. М.: МБА, 2014. 76 с.
50. Кубанский В. Круг Уссурийских казаков (Впечатления и наблюдения) // Слово. 1920. № 74. 31 июля.
51. М. П. Передовица // Вечер. 1920. № 98. 2 сентября.
52. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: в 2-х кн. М.: Айрис-пресс, 2004. Кн. 2. Ч. III. 496 с.
53. Наблюдатель. Политический момент // Голос Родины. 1920. № 355. 11 декабря.
54. Наказы с мест депутатам крестьянской фракции // Голос Родины. 1920. № 292. 23 сентября.
55. Народное Собрание // Русский край. 1921. № 83. 11 сентября.
56. Наши беседы. Что такое Верхнеудинск? // Русский голос. 1920. № 52. 2 сентября.
57. Невский В. Попытка образовать центр // Вечерняя газета. 1921. № 69. 18 августа.
58. Обращение к казакам // Красное знамя. 1920. № 120. 10 июля.
59. Обращение к населению крестьянской фракции Народного Собрания // Голос Родины. 1920. № 355. 11 декабря.
60. Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855-1917 гг.: монография. Владивосток: ВГУЭС, 2006. 196 с.
61. От крестьянской фракции Временного Народного Собрания Дальнего Востока // Красное знамя. 1920. № 133. 27 июля.
62. Партийный состав Народного Собрания // Голос Родины. 1920. № 237. 16 июля.
63. Переговоры о создании «делового блока» // Голос Родины. 1921. № 588. 27 августа. № 588.
64. Положение о выборах во Временное Народное Собрание Дальнего Востока // Вестник Временного Правительства Дальнего Востока - Приморской Земской Управы. 1920. № 26. 30 мая.
65. Попов Ф. А. Закрытие российского посольства в Китае в контексте политико-идеологической борьбы на Дальнем Востоке России (1920) // История: факты и символы. 2016. № 4 (9). С. 122-133.

66. Проф. Т. Локоть. Земледельцы в России // Слово. 1922. № 666. 12 августа.
67. Проф. Т. Локоть. Крестьянство и верхи // Слово. 1922. № 675. 24 августа.
68. Проф. Т. Локоть. Крестьянство и интернационал // Слово. 1922. № 663. 9 августа.
69. Проф. Т. Локоть. Сельский союз в России // Слово. 1922. № 680. 31 августа.
70. Регистрация депутатов // Голос Родины. 1921. № 554. 24 июля.
71. Регистрация депутатов // Голос Родины. 1921. № 556. 26 июля.
72. Резолюция Крестьянской фракции Временного Народного Собрания о 9-м круге Уссурийского Казачьего войска // Красное знамя. 1920. № 133. 27 июля.
73. Резолюция Крестьянской фракции Народного Собрания // Красное знамя. 1920. № 120. 10 июля.
74. Речь князя А. А. Крапоткина на заседании съезда Дальневосточных организаций 18 сен[тября] 1922 г. // Уссурийское слово. 1922. № 638.
75. Речь Правителя Приамурского Земского Края на Приханкайском Крестьянском Съезде // Земский край. 1922. № 17 (411). 21 сентября.
76. Руднев С. П. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин: Заря, 1928. 467 с.
77. Рыночные цены на 1 июля // Голос Родины. 1920. № 226. 2 июля.
78. Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.
79. Савченко С. Н. Земельный отвод генерала С. М. Духовского Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам. История проблемы // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): сб. науч. ст. Хабаровск: ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2002. Вып. 3. С. 23-51.
80. Савченко С. Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Хабаровск: ХПГУ, 2002. 279 с.
81. Среди крестьян // Голос Родины. 1920. № 352. 3 августа.
82. Срединные силы // Голос Родины. 1920. № 227. 3 июня.
83. Стасюкевич С. М. Политика и экономика в общественном сознании дальневосточного крестьянства 1920-х годов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 5 (141). С. 64-71.
84. Указы Правителя Земского Приамурского Края // Земский край. 1922. № 15 (409). 19 сентября.
85. Утверждение нового состава управляющих ведомствами // Голос Родины. 1920. № 357. 14 декабря.
86. Уткин П. Крестьянство и коммунистическая партия // Красное знамя. 1920. № 62. 29 апреля.
87. Худобородов А. Л. Казачья эмиграция в Манчжурии в период японской оккупации (1932-1945 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. № 1. С. 186-194.
88. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920-1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России): в 2-х ч. М.: Достоинство, 2016. Ч. 2. 640 с.
89. Черная Е. В. Земское самоуправление на Дальнем Востоке в условиях революций и гражданской войны (1917-1922 годы): дисс. ... к. ист. н. Владивосток, 2011. 212 с.
90. Чириков Н. «Мужички» // Блоха. 1921. № 67.
91. Шагин Э. М. Крестьянские союзы в политических планах и тактике непролетарских партий России // Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны: материалы научного симпозиума. М.: Калининский государственный университет, 1980. С. 188-198.

Информация об авторах | Author information

Попов Фёдор Алексеевич¹

¹ Московский педагогический государственный университет

Popov Fyodor Alekseevich¹

¹ Moscow Pedagogical State University

¹ popovf1992@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.05.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): крестьянство; Гражданская война; Приморье; парламентаризм; политическое сознание; peasantry; Civil War; Primorye Territory; parliamentarism; political consciousness.